

Наставления Оптинских старцев

Никон Оптинский

ДНЕВНИК
ПОСЛЕДНЕГО СТАРЦА
ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Наставления Оптинских старцев

Никон Оптинский, Преподобный
**Дневник последнего
старца Оптиной пустыни**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Преподобный Н. И.

Дневник последнего старца Оптиной пустыни /
Н. И. Преподобный — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого», — (Наставления Оптинских старцев)

Никон Оптинский – священнослужитель Русской православной церкви, иеромонах. Ближайший ученик старца Варсонофия, пламенный молитвенник и любвеобильный пастырь, самоотверженно исполнявший старческие служения уже после закрытия Оптинской пустыни, претерпевший мучения от безбожников и скончавшийся в изгнании, как исповедник. Перу преподобного Никона Оптинского принадлежат такие замечательные святоотеческие произведения: «Завещание духовным детям», «Дневник последнего старца Оптиной пустыни» и «На Господа возвергаю надежду».

© Преподобный Н. И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Молитва последних Оптинских старцев	5
Часть первая	6
1907 год	6
1908 год	9
Январь	9
Февраль	16
Март	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Никон Оптинский

Дневник последнего старца Оптиной пустыни

Молитва последних Оптинских старцев

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступивший день.

Дай мне всецело предаться воле Твоей святой.

На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня.

Какие бы я ни получал известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на всё святая воля Твоя.

Во всех словах и делах руководи моими мыслями и чувствами.

Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой. Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая.

Господи, дай мне силу перенести утомление наступившего дня и все события в течение его.

Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать, благодарить Тебя за всё и любить.

Аминь.

Часть первая Дневник

1907 год

28–29 января

Теперь я в первый раз намереваюсь серьезно и осмысленно говеть. Я только теперь понял всю необходимость, всю святость, все величие этих двух Таинств: покаяния и приобщения Тела и Крови Христовых. Все пророки, апостолы и Сам Христос Спаситель и Его Предтеча – Иоанн Креститель – все они начинали свою проповедь словом: «Покайтесь».

Тяжело, когда совесть нечиста, когда сознаешь себя виновным. Нам необходимо покаяться, сознаться в своих грехах, высказать все, что нас тяготит, тогда нам становится уже как-то легче. А здесь наше исповедание своих грехов принимает Сам Господь наш Иисус Христос. Он милостив, Он любит нас, Он имеет власть простить нам наши грехи, Он разрешит нас от ужасного бремени греховного, успокоит нашу совесть и подкрепит нас. Вот что нам дает это Таинство, но только в том случае, если мы искренно сознаем себя виновными, искренно каемся в своих грехах и надеемся на Божию милость, ибо Он принимает всякого грешника, самого ужасного, положительно утопающего в грехах, пусть только он будет смирен сердцем, сознает свою виновность и придет ко Христу с покаянием не показным, а искренним. Вот если мы будем смотреть на покаяние так, то, приступая к нему, мы должны будем сознать все величие этого Таинства и потому приготовить себя надлежащим образом.

Приготовление к Таинству покаяния должно состоять в самоуглублении, посте и молитве. Для того, чтобы сознать все свое недостойнство пред Богом, увидеть все свои грехи, увидеть всю грязь и низость своей жизни, необходимо углубиться в самого себя и разобрать все свои поступки. Пост необходим для нас при этом, как умерщвление плоти, для того, чтобы оторваться от плоти и всего земного и мыслить о Боге, о небесном.

Справедлива пословица: «Чем больше ешь, тем больше хочется». Если мы утолим только голод и жажду и займемся делом или станем молиться, нас еда не будет отрывать от нашего занятия. Это я сам на себе испытал. Тогда как-то чувствуется, что сущность жизни не в еде, ни в чем-либо земном, а в высшем, духовном мире человека, не в утолении страстей, а в стремлении к свету, истине, Богу.

Стремление познать истину есть первый признак духовной жизни человека, без этого человек духовно умирает. Если же мы угождаем плоти, то ее потребности растут неимоверно быстро, так что подавляют всякое духовное движение души. Нас тогда не интересуют высшие духовные вопросы, весь наш интерес сосредоточивается исключительно на земном: на удовлетворении страстей и похотей плоти. Жалок тогда человек, хотя очень часто и не сознает этого. Напротив того, человек постящийся отрезвляется, совершенствуется нравственно. Конечно, пост, если не сопровождается молитвой и духовной работой, не имеет почти никакой цены.

Пост не есть цель, а средство, пособие, облегчающее нам молитву и духовное совершенствование. Молитва, если только искренна, имеет великую силу. Сам Иисус Христос о силе молитвы, произносящейся с верою, говорит: «Все, что просите от Отца во имя Мое, даст вам», и «Если с верою скажете горе сей: «иди и ввергнись в море», будет вам». Поэтому мы, не будучи в состоянии сделать что-либо доброе, должны прибегать к молитве, как единственному спасительному средству в нашей немощи.

Знаю по себе. Хочу и не могу. Хочу делать добро, а делаю зло. Я даже не могу отличить белого от черного, зла от добра. Жалкое, ужасное состояние, в котором только и может помочь молитва, молитва покаянная.

Да, я вижу единый исход из моего положения – это покаяние и приобщение Святых Тайн. Прежде должен очистить себя покаянием, а затем принять в себя Тело и Кровь Христовы. Великое Таинство – покаяние, но еще более величия и святости являет приобщение. Здесь я принимаю в себя Самого Иисуса Христа, Его Пречистое Тело, Его Кровь, Его Божество. Я соединяюсь с Ним самым тесным образом. «Пий Мойю Кровь и ядый Мою Плоть во Мне пребывает и Аз в нем», – говорит Сам Спаситель. Всю важность, всю необходимость этого Таинства для нас мы видим из слов Спасителя, что только вкушающий плоти Его живет, а тот кто не вкушает, не имеет в себе жизни. Да, велико и необходимо для нас это святое Таинство, но и страшно.

Как я, недостойный и грешный, подойду к Святой Чаше? Ведь я не жизнь, а осуждение найду в Ней. Ибо всякий вкушающий недостойно, «суд себе яст и пьет». Да, страшно.

Поэтому я должен всю эту неделю, начиная с понедельника, ходить в церковь и дома молиться и, углубившись в себя и сознав свое недостойство, приступить к Таинству покаяния с искренним желанием исправить и переменить свою жизнь. Затем, все-таки будучи очищен, я со смирением и уже не с таким страхом приступлю к принятию Тела и Крови Христовой. Это несомненно поможет моему желанию стать человеком и, может быть, хоть немного, да откроет глаза.

Я не имею в себе жизни. Теперь это мне вполне понятно: я ни разу не говел, не исповедовался, не приобщался. Ни разу, это ужасно. Что толку, что я каждый год ходил говеть? Какой смысл в таком говении? Еще в прошлом году я, пожалуй, молился, когда приступил к Чаше, но этого далеко недостаточно.

Помню, как жалко было расставаться с миром, с плотскими наслаждениями, да я и не хотел вовсе с ними расставаться. А это разве покаяние? Нет, тут только одна форма, внешняя сторона. Так не должно быть.

Теперь я решил исправиться, хочу переменить жизнь и, кажется, хочу искренно. Если так, то для меня теперь имеет смысл говеть, ибо я намерен говеть по-настоящему, как следует. Я даже надеюсь, что это послужит основанием к моей дальнейшей жизни и деятельности.

Я хотел еще в рождественский пост говеть, но прозевал, да тогда мои теперешние мысли едва нарождались. Завтра (впрочем это будет сегодня) я, если даст Бог, пойду к Батюшке. Поговорю, авось, разъяснит хоть немного, да, как человек уже пожилой и, по-видимому, верующий, может быть, даст добрый совет.

29—30 января

Вчера я высказал мысль, что главный признак духовной жизни есть стремление к познанию истины. Я вдруг усомнился: а может быть, это не так? Но подумал и вижу, что сказал вчера правду.

В древности Сократ, ученейший философ, умирая, сказал: «Я знаю только то, что ничего не знаю».

Да, истина непостижима. В то время как приближаешься к ней, кажется, что удаляешься, по крайней мере, видишь ее все выше и выше над собой. Все слабее и ничтожнее кажется наш ум в сравнении с ней. Все это так.

Но Сократ жил до Рождества Христова, и ему истина, возвещенная Христом, была неизвестна. Для нас же она открыта. Да, нам указано, где ее искать. Она – во Христе Иисусе. Но все-таки она непостижима, мы можем только более или менее приблизиться к ней; сама же по себе истина никогда не откроется, если человек того не захочет.

Путь к познанию истины труден, очень труден, особенно для меня и для всех, подобных мне, грешников. И путь этот труден только сначала, потом он становится более приятным. Путь к познанию истины есть добродетель, любовь и жизнь по совести при вере в Бога. Трудно попасть на этот путь, ибо он требует самоотверженности, готовности на все, что бы там ни представилось. Смиранный человек может пойти по этому пути, а гордый не сможет. Вот этот-то путь к познанию истины и есть духовная жизнь человека, и человек, не идущий этим путем, мертв духовно.

У священника не был, потому что была всеобщая. Говеть я начал. Был у обедни в Казанском соборе. Очень удобно, обедня там приблизительно в 10 часов. Служат порядочно. Очень хорошо вынимают просфоры. Завтра тоже надо к обедне. Надо молиться и молиться как можно больше и усерднее.

8 июня

Я несколько раз собирался написать то, что пишу теперь. Когда мы с Ваней (братом) были в Оптиной пустыни и хотели поступать в число братии, именно тогда обстоятельства подошли так, что нам необходимо стало опять возвратиться в семью. Все монахи, которые постарше, советовали пожить еще в миру, а о. архимандрит прямо не хотел принять. Тогда мы решили ехать домой, но...

Он приказал нам зайти к нему проститься. Приходим. Он дал нам общие правила молитвы и жизни, но сначала благословил иконами. Его слово при благословении особенно запомнилось мне:

«Благословляю Вам, Николай Митрофанович, на радость родных и знакомых, и на пользу души Вашей». При этом он благословил меня маленькой иконой Божией Матери «Споручницы грешных». Не знаю почему, но это я даже решил записать.

Н. Беяев.

1908 год

Январь

10 января

Прошлый год мы приехали сюда 24 февраля, а из Москвы выехали 23 февраля. Приехали сюда часа в четыре, была суббота. В воскресенье начиналась масленица.

Прожили в миру восемь месяцев, причем время от времени мы навещали в Оптину.

Когда мы были здесь последний раз от 5 до 9 декабря, то выехали из Москвы 4 декабря, в день св. Варвары великомученицы, а возвратились 10 декабря в понедельник. Сразу с вокзала мы отправились в часовню Иверской Божией Матери, а оттуда – к владыке Трифону, а потом уже домой.

Когда мы были здесь 7 декабря, в день святителя Амвросия, в день, когда именинником бывает старец Амвросий, Батюшка решил нас принять. В этот день за обедней Евангелие, Апостол и запричастное пение псалмов говорили об отречении от мира. «Про вас это говорится», – сказал о. Варсонофий и решил нас принять. Он нас благословил ехать домой, устраивать свои дела.

Когда все было готово, мы получили благословение Владыки: «Вы восходите на крест, поэтому я даю вам в благословение крестики, помогай вам Бог», – и благословил нас крестиками.

Затем мы получили благословение и от мамы. Мама нас благословила иконами Покрова Пресвятой Богородицы. Мы отправились из Москвы 22-го и прибыли в Оптину 23 декабря, а утром 24 перебрались в свои келии. Здесь мы отслужили молебен, окропили келии святой водой. Таким образом, мы поступили в скит накануне Рождества Христова.

В прошлом году, когда я начал стремиться к жизни во Христе, я не читал никаких книг, а только Евангелие, которое и читал месяца два, да «Путь ко спасению» еп. Феофана.

2 февраля 1907 года я в первый раз хотел сознательно исповедоваться и причаститься Св. Христовых Таин, что и исполнил. Насколько это было искренно, я не знаю, знаю только, что было такое желание. Таким образом, начало мое было положено в день Сретения Господня.

Помоги мне, Господи, довести до конца то, что я начал.

Батюшка, видимо, ко мне расположен, даже очень добр и нежен. Несколько раз он утешал меня своими беседами и наставлениями. Спаси его Господи. Всего записать нет возможности, да я и не запомнил всего, а только отдельные наставления:

– Делайте все сами, что можете, старайтесь не пользоваться чужими услугами. В своей келье ничего съестного не держите, всегда аккуратно ходите к трапезе, ибо Господь благословляет скудную пищу и делает ее вкусною. Заметьте, что те монахи и послушники, которые не трапезовали со всеми, а брали пищу себе, хворали и даже умирали.

– В церковь ходите обязательно и всегда до начала, первыми старайтесь придти. Утренняя – одно из самых трудных установлений монастырской жизни, зато и имеет великую силу... За пятисотницу держитесь, как за столп, в ней великая сила. Почему? Это тайна, это закон монашеской духовной жизни.

Пейте чай у себя, в келии, к другим не ходите, а будут звать, – отказывайтесь.

В келье же у себя пейте по три чашки. За трапезой кушайте досыта, но не до пресыщения. Пост и воздержание, необходимые впоследствии, для вас совсем необязательны.

11 января

Вчера вечером я быстро был оторван от дневника и пошел к Батюшке. Беседа шла очень долго, с 8 до 11 час. Батюшка много говорил хорошего, но где же все упомянуть. Буду опять писать также кратко и отрывочно.

– «Краеугольный камень иноческого жития есть смирение». Смирение и послушание помогают приобрести различные добродетели, особенно в телесном отношении, но если есть гордость – все пропало. Так, с одной стороны, велик и гибелен порок – гордость, а с другой – спасительно смирение. «На кого воззрю? Только на кроткого и смиренного, трепещущего словес Моих», – говорит Господь. А иночество есть великое безбрежное море, исчерпать или переплыть его невозможно.

Это не так понятно человеку, не вступающему на этот путь. Практика нужна. Перед вами огромная завеса, и вот она начинает с нижнего уголка чуть-чуть приподыматься. Вся мудрость земная, правда, которая имеет некоторый смысл и цель, главным образом, для достижения удобств в земной, плотской жизни, по сравнению с иночеством есть ничто, или, лучше сказать, – копейка по сравнению с миллиардом рублей.

Один известный мне человек, высоко образованный, получивший европейское образование, был в Московском Университете, и в Лондоне, и в Париже. Поступив в монастырь, он пишет своему мирскому другу, товарищу по учению, что он до сих пор ничего не понимал. Так дивно глубок смысл иночества, а назначение инока еще выше.

Св. ап. Павел говорит, что в будущей жизни будут различной степени блаженства: «Ина слава солнцу, ина слава луне, ина слава звездам, звезда бо от звезды разнствует во славе». Этих степеней миллиарды, говоря по человеческому разумению, неисчислимо количество, и инокам принадлежит первая. А схимонахи, конечно, достойно своего звания живущие, будут в числе «серафимов». Вот как велико назначение инока. Поэтому как должны мы благодарить Бога, что Он привел нас в скит!

Ни на минуту не подумайте, что вы сами пришли сюда. «Никто не может придти ко Мне, аще не Отец Мой Небесный привлечет его». От Бога нам дана свобода, и с вашей стороны было лишь свободное произволение. Вы только не противились, когда Он, взяв вас за руку, повел сюда. Господь спасает нас, а не мы спасаемся, но Он, Милосердный, спасает нас при нашем желании.

Итак, благодарите Бога. Вы сами видите, как много людей погибает в миру, сами поразмыслите теперь, за что оказал Господь вам такую милость, что привел вас сюда в монастырь, в наш укромный тихий скит. Да. Только при помощи Божией можно проходить этот тесный, скорбный путь.

На первый взгляд кажется, что есть какое-то противоречие: с одной стороны, этот путь исполнения заповедей Господних есть легкий и благой, а с другой – он тесный и прискорбный. Да, он тесен и прискорбен для тех, кто вступает на него или с принуждением без внутреннего расположения, или же из-за каких-либо иных целей, кроме спасения души. Для таких он тяжел. А для тех, которые становятся в ряд иноков с чистым желанием и намерением служить Господу Богу в духе и истине, он легок.

Вот и Вы, Николай Митрофанович, поживите здесь, если только Господь сподобит Вас такой милости, два-три года и увидите, какое блаженство – иноческое житие. Вы, может быть, уже заметили, как быстро летит здесь время. Пройдут годы, может быть, десятки лет, а Вам будет казаться, что Вы поступили сюда только вчера.

Я спросил однажды у одного инока, жившего в монастыре пятьдесят лет: «Долгим ли показалось вам время, прожитое в монастыре?» – «Нет, – отвечал он, – мне кажется, что я здесь 50 дней, а не 50 лет. Да и не 50 дней, а 50 минут».

Да, очень быстро летит время в монастыре...

Никого никогда в свою келью не пускайте без молитвы, пусть сначала пришедший произнесет молитву, и тогда только впустите его. Выходя и входя в свою келью, кладите четыре уставных поклона с молитвами, а вообще всегда навикайте молитве Иисусовой. Если кого-либо встречаете из братии – всегда кланяйтесь первым, у иеромонаха берите благословение. Смиряться, смиряться, смиряться.

Теперь читайте книги, пока нет послушания обыденного, потом некогда будет читать... От чтения книг окрепнет ваше произволение. Евангелие все тайнами повито. Одному оно, положим, открывается на 1/100 сантиметра, другому – на тысячу верст. Одному много, другому мало, и малого – одной сотой доли – ему достаточно для жизни. В жизни нашей действуют вера, надежда, любовь. Без них наше спасение невозможно.

В Евангелии обладателем веры является апостол Петр. «Ты еси Христос Сын Бога Живаго», – исповедует он, когда все, за исключением апостолов, считали Христа человеком. Но и из апостолов он является представителем веры. Любовью обладает более других апостол и евангелист Иоанн Богослов. Представителем надежды является Иаков. Поэтому-то Христос, когда хотел показать Свою славу, преобразился именно перед этими учениками.

Я все стараюсь разъяснить и показать Вам, что такое иночество. Краеугольным камнем иночества есть смирение, как я уже сказал.

Между прочим, Батюшка рассказывал нам здесь про одного монаха, который обладал не только смирением, но и другими добродетелями: терпением и непрестанною молитвою, произносимую в сердце. Один монах, видя огненный столп от крыши трапезы, пришел в трапезу и увидел сего монаха всего в огне, стоящего на коленях и молящегося. Этого монаха, о. Феодота знает и помнит один скитский монах. – В Глинской пустыни недавно был рясофорный послушник о. Феодот. Он прежде был солдатом, и за его высокий рост и крепкое телосложение заставили его, когда он поступил в монастырь, носить дрова и воду в кухню. Так он до конца жизни и оставался на этом послушании. Был у всех в презрении, спал, где придется: когда на полу, когда на дровах. Никто не обращал на него внимания. Так он дожил лет до семидесяти.

Однажды о. архимандрит Илиодор, человек доброй жизни, придя от обедни, сел у раскрытого окна в ожидании самовара. Прислонившись к спинке стула, он впал в тонкий сон и видит чудный сад, какой-то неземной. И воздух не такой, и растения, и деревья, и плоды на них не такие, как на земле. Одним словом, сад неизреченной красоты. И вот среди сада о. Илиодор видит о. Феодота. «Это ты, о. Феодот?» – «Я, Батюшка.» – «Как ты здесь?» – «Да это мне дано.» – «А что это?» – «Это рай.» – «А ты можешь мне дать этих плодов?» – «Могу.» Тут о. Илиодор увидел в раю своего отца и, бросив данные ему плоды, побежал к отцу.

В это время на дворе раздался крик. От этого крика о. Илиодор проснулся, и все исчезло. А на дворе он видит, что за о. Феодотом бежит повар и бьет его палкой по спине. О. Илиодор остановил истязание о. Феодота, запретив повару бить его. Затем, позвав к себе в келью о. Феодота, о. Илиодор спросил его, где он был. «На кухне, – был ответ, – я не так дрова положил, ну и повар меня побил. Да что, мне этого мало, я сам виноват. Да мне и больно не было, я надулся, ну палка и отскакивала от меня, мне и не больно.» – «Нет, о. Феодот, скажи мне, где ты сейчас был?» – «Да на кухне.» – «Встань о. Феодот перед образами на колени, и я встану. Я твой духовный отец, скажи мне, где ты сейчас был?» – «Ну если так, то обещаюсь тебе перед Богом, что никому не скажешь этого до моей смерти...» Тот обещался. «В раю, да и тебя там видел.» Тут о. Илиодор понял, что он видел не простой сон, а действительно сподобился видеть рай. «А что, о. Феодот, могли бы очутиться при мне те плоды, которые ты мне дал?» – «Конечно, но значит так судил Бог.»

Смирение, терпение и непрестанная умная молитва – вот чем обладал о. Феодот. Это такая молитва, о которой мы и понятия не имеем. Заметьте, что все святые, которые удостоились видеть рай, изображали его, как неопишуемой и неизреченной красоты сад. Оказалось, что

о. Феодот был гораздо выше о. Илиодора, хотя первый был послушник, а последний – архимандрит. Но не то важно, какое исполняется послушание, а то важно, как оно исполняется: со смирением, терпением и молитвой.

Всего не упомяну. Окончил о. Варсонофий тем, что вспомнил своего старца о. Анатолия, которого можно было заслушаться, когда он говорил. Батюшка всегда с великим благоговением вспоминает своего старца-наставника.

«Слабеть начал я, – сказал, наконец, Батюшка, – слабеть. Чувствую, что недолго мне осталось жить. Одного прошу у Бога, чтобы вы встали на ноги, окрепли. Ну, помолимся». Он стал молиться о нас обоих, мы тоже молились. Затем он благословил нас, и мы ушли. Великий святой старец. Придя в свою келью, я помолился о том, чтобы Милосердный Господь продлил дни жизни Батюшки о. Варсонофия и нас его наставлениями поставил на ноги и укрепил, как об этом молился сам Батюшка. Спаси его, Господи, и помилуй. Я первый раз вижу такого человека. Никогда я не слышал таких бесед, как у Батюшки.

13 января

Сегодня ходил к обедне, к вечерне, остальное время читал жизнеописание старца о. Макария. Вот был человек. Хоть бы немного мне, грешному, походить на него. Докончил все жизнеописание, и теперь читать не придется, вероятно, довольно долго.

Батюшка благословил завтра, еще жив буду, начинать послушание, а все остальное чтение оставить. Сегодня у меня времени целый час, постараюсь припомнить что-либо из Батюшкиных бесед.

«Послушание паче поста и молитвы, – говорил Батюшка. – Не смущайтесь, если придется опаздывать или даже пропускать вовсе церковную службу. Открывайте все свои помыслы, особенно те, которые долго Вас не будут оставлять. Постепенно нужно проходить иноческое житие, это наука из наук. Как всякую науку нужно проходить, изучать под руководством более или менее опытного в сей науке человека, так и здесь необходимо держаться своего старца. Но «единого достоин вопрошати», – ибо может произойти духовное разделение».

15 января.

Надо записать, что Батюшка говорил об Евангелии и о вере: – Без веры во что-нибудь нельзя ничего сделать. Посмотрите, почему какой-либо человек, ну хоть ваш брат, желает стать врачом. Потому что он верит в медицину. Каждый из ученых верит в свою науку. И так везде и во всем. Точно также для христианской жизни необходимо верить в Бога, Христа, Евангелие. «Мы не можем верить, – говорят иные, – нет на то доказательств. Иное дело наука, там все доказано.» Хорошо, но прежде чем отвергать что-либо, надо исследовать предмет, испытать. Св. Иоанн Богослов прямо говорит, что надо испытывать «дух». Но надо испытывать на практике. Пожить надо по Евангельскому учению и узнать на деле: правда ли, что «блаженны нищие духом», «блаженны кротции» и т. д. Если вы не испытали этого, то не можете и опровергать, не можете утверждать, что Евангелие – ерунда. А многие так говорят. Но на Страшном суде сих людей спросят: «Что, читали Евангелие?» – и получится обязательно три ответа: 1-й – «нет», 2-й – «кое-как» и 3-й – «Да читали, конечно, только не поняли». Да, обязательно получатся эти три ответа. (Лампа гаснет, не могу более писать.)

17 января

15 января я очень оборвал дневник, керосина не было. Продолжу еще немного самый конец. – На первый ответ можно сказать, что они сами виноваты: никто не запрещал читать, напротив, даже просили читать. На второй ответ почти то же можно сказать. Вот третий ответ более интересен. Эти как бы даже заслуживают извинения. Не могли понять Евангелия, т. е. поверить, хотя Вам был дан ключ разума: «Испытайте дух». Почему не хотели испытать? Значит, сами и виноваты. Таким образом, и эти безответны.

20 января

Батюшка болен, но ему уже стало лучше, а то он не мог без помощи двигаться. Что Бог даст завтра? А то мне нет-нет да и напомнимся его слова, что ему жить недолго.

Я припомнил его наставления и то, что он говорил: – Если плохо живешь, то тебя никто и не трогает, а если начинаешь жить хорошо, – сразу скорби, искушения и оскорбления.

Этим он хотел мне сказать, что необходимо переносить смиренно оскорбления, наносимые другими, и вообще скорби. – Монахи, вообще вся наша братия, тоже люди, а раз люди, то есть обязательно свои страсти, пороки: один гордый, другой злой, третий – блудник и так далее. Все эти люди пришли сюда, в больницу, лечиться, кто от чего, и вылечиваются с помощью Божией. Я это говорю потому, что вы будете видеть пороки братии, но надо стараться не осуждать, – это у нас девиз. Все люди немощны, у всех есть страхи, мы же должны прощать.

22 января

Мне приходила мысль в голову: а что, если бы Батюшка позвал меня к себе побеседовать, когда он болен?

И действительно, Батюшка меня позвал сегодня к себе на утренний чай в 7, а ушел я от него часов в 10. Причину сего Батюшка сказал мне после беседы: «Я вас для того позвал, что сам как-то приуныл. Хотел позвать о. Кукшу, да он еще, вероятно, спит. Я вас и позвал.» Очевидно, Батюшка ко мне расположен, хотя я этого не стою.

Попробую передать то, что запомнил из беседы. Кажется, Батюшка начал с того, что спросил, как мое послушание, и затем сказал:

– Вероятно, было у вас, или у ваших родных, или даже у предков какое-либо доброе дело по отношению св. Иоанна Крестителя, если он принял вас сюда к себе. Не помните?

Я ответил, что нет.

– А со мною вот что было. В Казани я как-то захотел говеть Великим постом, и весь пост пропустил, осталось только три дня. Ну, хоть три дня, да поговеть. Иду и думаю: где же поговеть? У полкового священника мне не хотелось. Где же? И вот смотрю – монастырь, бедный, грязный (послушники какие-то отчаянные), наполовину развалившийся. «Это какой монастырь?» – «Ивановский, во имя Иоанна Крестителя.» – «Хорошо, можно здесь поисповедоваться?» – «Пожалуйста.» Так я там и говел. А потом стал туда часто к службе ходить. Стою иной раз, а помысл мне и говорит: «Смотри, какая бедная, грязная лампадка. Купи новую, получше». Купил, и как-то приятно стало мне смотреть на нее. Потом киот на большую икону купил. И так я полюбил все в монастыре! Воистину: «Где будет сокровище ваше, тут будет и сердце ваше». А сколько радости испытывал я после исповеди и приобщения св. Христовых Таин! Вот за какие пустяки св. Иоанн Креститель сподобил меня принять в свой скит.

Когда я зашел в Казани в тот монастырь в первый раз, я спросил, между прочим: «Кто здесь настоятель?» – «Игумен Варсонофий.» Только потом я понял, что это значило: в этом бедном грязном монастыре я увидел образ своего душевного внутреннего состояния.

Через много лет, когда я принял управление скитом, меня спросили: «Как вы будете содержать скит?» Я отвечал, что и не думаю об этом и не дерзаю, ибо хозяин не я. Я только приказчик св. Иоанна Крестителя.

23 января

Сегодня после утрени, в 7 часов утра, был общий молебен о здравии братии всего скита, особенно о болящих. Удивительно много сразу заболело, начиная с Батюшки и кончая послушниками. Что это значит? Вероятно, наказание Божие для нашего вразумления. Батюшка братию на благословение еще не принимает. Так ничего особенного не было.

Хочется записать, что трапеза вкусная. Такая простая пища, как пустые щи с постным маслом и гречневая каша, кажется вкуснее всякой другой, которую я ел в Москве дома. Я помню, как прошлый год на Пасхе, когда мы уезжали отсюда, мне думалось: «Вот какими вкусными мне покажутся куличи и пасхи». И что же? Здесь творог со сметаной, солью и черным хлебом я ел с большим удовольствием. Сам удивляюсь.

Здесь сравнительно скудная пища гораздо вкуснее московской домашней. Это, на мой взгляд, прямо Господь услаждает здесь пищу. Пока пища меня несколько не тяготит, а даже напротив – слава Богу за все.

О, если бы я действительно мог сказать так искренно, прочувствованно всем сердцем.

29 января

Этот день для меня и Иванушки замечательный: нас одели в послушническую одежду. Подробно о всем запишу, если Бог даст, завтра. Завтра память Трех Святителей Христовых. А сегодня память св. Игнатия Богоносца. Вот в какой день Господь сподобил нас причислить к избранному стаду. Слава Богу и благодарение.

30 января

Итак, вчера утром, в день памяти св. Игнатия Богоносца, в 8 часов утра, мы пришли к Батюшке за благословением идти одеваться и, получив благословение, в 9 часов пошли за благословением к о. архимандриту Ксенофону. Получив от него благословение, мы отправились на могилки к старцам. Взяв от них благословение и помолвившись, мы пошли в рухольную.

Примерив и с молитвою надев одежду, мы опять пошли за благословением на могилки к старцам и к о. архимандриту. Встретили о. Феодосия и взяли у него благословение.

Затем пришли в скит, положили в воротах по три земных поклона, пошли к Батюшке. Здесь нас приветствовали келейники и случившиеся из братии. Наконец, пришли к Батюшке, положили земной поклон перед иконами, затем в ноги до земли поклонились Батюшке. Батюшка благословил, поцеловал и начал молиться. Батюшка молился вслух, и я кое-что запомнил: «Благодарю Тебя, Господи, яко утаил еси от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем. Благодарю Тебя, Господи, что Ты привел сюда сих Николая и Иоанна». Потом молился о том, чтобы Господь сподобил нас проходить сей путь иноческой жизни и достигнуть цели. Дал нам четки и сказал:

– Вот вам оружие, нещадно бейте этим невидимых врагов. Прежде всего имейте страх Божий, без него вы ничего не достигнете. Теперь для вас начинается новая жизнь. Хоть вы и

жили в скиту, да все было не то. Теперь везде разговор идет у бесов: «Были почти наши, теперь пришли сюда спастись, как это можно и т. п.» Но не бойтесь. Считаю долгом сказать вам про себя: еще в Казани, когда я решил все окончательно бросить и подал прошение об увольнении, я отдавал одному сослуживцу прощальный последний визит перед самым отъездом. Еду на извозчике мимо одной церкви в честь Пресвятой Троицы, на стене которой была икона Спасителя во весь рост, с распростертыми руками. Обыкновенно, я благоговейно крестился и более ничего, проходил мимо.

На этот раз я ехал, задумавшись и опустив голову. Поднимаю голову, и вдруг вижу эту самую икону, и мне будто кто-то говорит прямо в сердце: «Теперь ты Мой». Христос, казалось, прямо говорил мне: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы...» Никогда от той иконы такого впечатления не было, как тогда. Я умилился, слезы выступили на глазах. Извозчик давно проехал, а перед моими глазами все стоит эта икона. Так это и врезалось в память на всю жизнь.

Затем Батюшка дал нам обоим три книги: «Кончина праведника – письмо Клавдии Прокулы – жены Пилата», «Материкон – собрание наставлений аввы Исаии инокине Феодоре» еп. Феофана и «О внешнем благоприличии и поведении новоначальных послушников» еп. Игнатия Брянчанинова. – Вот обоим вместе, ибо вы должны быть едино. Затем Батюшка спросил о практической стороне дела в рухольной и у о. архимандрита. Но мы ничего не переговорили с о. архимандритом: у него скоропостижно скончался келейник о. Иоанн.

Батюшка быстро переспросил:

– Что, что?

Я повторил.

– Да, как верно предчувствие. Уж какой я старец, а все же и через меня бывают откровения. У меня вчера был этот о. Иоанн. Мне, как духовному отцу, все известно про него. Последнее время на него напал бес и довел его до того, что он решил уходить в мир. Пришел ко мне и говорит:

– Благословите уходить.

Я ему отвечаю:

– Разве я могу благословить на такое дело? Представь себе, что ты едешь на пароходе ночью. На море буря, пароход летит на всех парусах. И вот ты говоришь мне: «Благословите броситься в эту бездну и темь...» Вот тоже и теперь.

– Да это, Батюшка, не то.

– Да, не то, это еще хуже. Сам посуди: с твоим здоровьем ты долго не проживешь, что было, то прошло. Оставайся здесь.

И вот видите, что случилось. Это всегда так. Бесы видят, что человеку недолго жить, вот они и стараются его вытащить из монастыря, надеясь перед смертью погубить и тем столкнуть в бездну. Одно нарушение обета уже губительно.

Был здесь один случай. Какой-то сын миллионера поступил в скит. Прежде жил он очень разгульно, вскоре ему надоела монашеская жизнь, и он ушел. И какую жизнь влачит этот несчастный теперь? Ходит в цилиндре с тросточкой по Невскому проспекту и более ничего. Но о. Иоанн, слава Богу, умер на кресте. Верую, что спасен.

Мы помолились о его упокоении. Батюшка читал молитвы, мы слушали и молились.

– Ну, теперь идите на трапезу. Благодарите Бога, что сподобились такой милости от Него. Сегодня знаменательный день – память св. Игнатия Богоносца. Мир вам.

Забежав в свои кельи, мы отправились на трапезу, где нас поздравляла вся братия. И о. Нектарий после трапезы, когда мы выходили, сказал нам:

– Желаю вам проходить этот путь со смирением, терпением и благодарением, – и убежал. Мне нравится о. Нектарий, только он больно чудной.

Всенощную уже стояли в послушническом одеянии. Сейчас нас позвал Батюшка. Подарил нам по балахону и банку варенья – по праздникам утешаться. Спаси его, Господи. Рассказал нам о своем посещении двух блаженных: Иванушки и Аннушки.

Сегодня не могу больше писать.

Февраль

6 февраля

Сейчас был у Батюшки, удалось побеседовать минут 20–25. Чтобы не забыть, постараюсь записать.

Когда я пришел, Батюшка благословил меня, и я стал на колени около дивана, на который сел Батюшка.

– Сомнения, Батюшка, и помыслы у меня.

– Да, сомнения равно как блудные помыслы и хулы надо презирать, не обращать внимания на них. Презирайте их, и враг-диавол не выдержит, уйдет от вас, ибо он горд, не вынесет презрения. А если будете входить с ними в разговоры, ибо все блудные помыслы, хулы и сомнения – не ваши, то он закидает вас, завалит, убьет. Верующий человек, любящий Бога, не может хулить, а тем не менее замечает в себе две нити: и любит, и хулит. Очевидно, что есть еще какая-то сила зла, навевающая сомнения. Заметьте, ведь это серафимский ум. Поэтому несколько не удивительно, что он может возбудить, поднять сомнения, да еще какие... Не обращайтесь на них внимания.

Сколько было искренних, верующих людей, которые сильно пострадали от того, что принимали эти сомнения, рассматривали, рассуждали. Возьмите наших писателей: Белинского, – какая разница у него в первой и второй половине его жизни. Лермонтов – тоже был сильный ум, Тургенев и др...

Поэтому надо презирать эти сомнения, и хулы, и помыслы блудные, тогда они вам несколько не повредят, особенно, если будете открывать их старцу-наставнику. Но открывать их надо не подробно, иначе можно повредить и себе, и старцу. Особенно блудные помыслы: надо засыпать, закрыть навозом эту смердящую яму, а не копать в ней. Что же у вас есть теперь? Какие сомнения, помыслы?

– Да вот, Батюшка, у одного из братии вижу то, у другого – другое.

– Ну вот, диавол всегда так. Он нам иногда представляет взгляд брата совсем другим, не таким, каким он является на самом деле. Тебе кажется, что брат посмотрел на тебя злобно, оскорбительно, а на самом деле этого вовсе нет. Так диавол может представить нам что-либо другое.

Вот какой случай: был здесь один иеромонах о. Венедикт и еще монах о. Арсений, монах хорошей жизни. Он почти не выходил из келии вследствие своей болезни, вел особую жизнь. Один раз идет о. Венедикт к себе в келию, а у крыльца о. Анатолия он видит: стоит о. Арсений. Взгляд у него какой-то злобный, враждебный, под благословение не подходит.

О. Венедикт посмотрел на него и прошел мимо с великим удивлением. Только что он начал заворачивать за церковь, ему навстречу с совершенно противоположной стороны идет о. Арсений. Лицо веселое, подходит под благословение. О. Венедикт, еще больше удивляясь, спрашивает:

– Где ты был?

– У о. Тимона.

– Как? Я тебя сейчас видел около крыльца Батюшки о. Анатолия.

– Это тебе померещилось. Сам видишь, откуда я иду.

Тогда о. Венедикт пошел за разрешением сего к Батюшке о. Анатолию.

– Ну что же здесь удивительного? Ты иеромонах, а этого не знаешь? Это был, конечно, бес в образе о. Арсения, – сказал о. Анатолий.

Да, бывают такие случаи, об них в миру и понятия не имеют, а здесь они не подлежат сомнению... – Ну еще что? – спросил Батюшка.

– Горд я очень, Батюшка, тщеславен.

– Да кто же не горд? Макарий Великий говорит, что даже у всякого святого есть что-то гордое. Вот как глубока в нас эта зараза. Не горды только ангелы – они чисты, да еще те, которые переходят отсюда на небо. А то у всех есть гордость. Ну, будет. Остальное потом. Понемногу буду разъяснять.

7 февраля

Возил с работниками дрова для отопления наших келий. Когда я пошел к Батюшке на благословение вместе со всей братией, я захватил книжку «Луг духовный». Батюшка давал читать. Издание книги в настоящем виде принадлежит протоиерею Михаилу Ивановичу Хитрову. Я его совершенно не знаю, хотя он был писатель. Батюшка сказал, что он плакал, когда получил в 1899 г. известие о смерти о. Михаила. – Он много обещал, но значит так угодно было Богу. – Потом Батюшка сказал:

– Вот уже сколько раз мне помysl говорит, чтобы я спросил вас, не было ли у вас в жизни случая из ряда вон выходящего?

– Да, был случай, – говорю я, сам не зная почему вспомнив один случай, бывший в далеком детстве.

– Обдумайте его и потом расскажите мне.

– Да он очень простой.

– Совсем не простой, а из ряда вон выходящий.

– Я хочу сказать, что его обдумывать нечего, он очень несложный.

– Ну, хорошо.

– Когда мне было лет пять, – начал я, – у меня была болезнь – ложный крупп (кажется так она называется), горловая болезнь. Я был уже бездыханен, посинел и даже похолодел. Папа думал уже, что я умер, и говорил, чтобы мама оставила меня и больше не терла мазью, что все бесполезно. Но мама, не теряя надежды, все же терла и молилась св. Николаю Чудотворцу о моей жизни. И совершилось чудо: я начал дышать, и потом всегда был довольно крепкого здоровья.

– Конечно, это из ряда вон выходящий случай. Собственно, не случай, ибо все происходит с нами целесообразно. Вам была дарована жизнь. Ваша мама молилась, и св. Николай Чудотворец молился за вас, а Господь, как Всеведущий, знал, что вы поступите в монастырь, и дал вам жизнь. И верьте, что до конца жизни пребудете монахом. Так об этом напишите вашей маме толкование этого случая.

Я хотел после этого уходить, но потом спросил про Иисусову молитву: нельзя ли читать ее сокращенно. Батюшка не позволил, говоря, что ее всю целиком заповедали читать наши старцы, и ударение делать на последнем слове: «грешного».

– У меня так не выходит.

– Потом научитесь, – сказал Батюшка.

Я сейчас пишу о разговоре с Батюшкой и думаю: ведь я совсем забыл тот случай из моей жизни, даже ни разу не вспоминал здесь о нем. И вдруг, сам не зная почему, назвал прямо его. И только теперь начинаю смотреть иначе. Он мне начинает казаться не простым, обыкновенным происшествием, каким прежде его считал. Правда, я чувствую и прежде чувствовал уважение к святителю Николаю более, чем к каким-либо другим святым. Надо написать маме. Спрошу,

если Бог даст, у Батюшки, как написать. Этим я еще лучше проверю написанное мною сегодня толкование.

8 февраля

Когда мы были на благословении, Батюшка сказал мне на мой вопрос о письме маме: – Так и напишите, что этим ясно указывалось на ваше иноческое предназначение. – Значит, я понял верно.

Еще раньше этого, как только я вошел, Батюшка спросил:

– Как внутреннее устройство? Имеете ли на устах имя Иисусово?

Я говорю:

– Стараюсь иметь, но очень часто забываю.

– В этом-то все и дело, чтобы всегда иметь память о Боге, для этого и молитва Иисусова.

Но не удивляйтесь, что все забываете, надо только стараться. Ведь не сразу вы в университет пошли, а сначала азбуку выучили, так? Авва Дорофей говорит, что он смотрел на книги, как на зверя, а потом очень даже пристрастился к чтению книг. Сначала читал, вероятно, не духовные, а светские книги, а потом перешел на духовные. Да, так всегда бывает...

Был схимонах Клеопа в Соловецком монастыре. Он сорок лет провел в уединении на одном необитаемом острове, куда из монастыря привозили ему пищу и ездил духовник. Потом он изъявил желание возвратиться в монастырь. Никто не знал, как он подвизался, какие ужасы претерпевал от бесовской силы, в чем состоял его подвиг. Когда он возвратился, о. архимандрит при духовнике его спросил: «В чем, главным образом, заключалась твоя деятельность, и много ли ты преуспел, скажи нам: мне и Твоему духовному отцу». Он отвечал, что в Иисусовой молитве. Все акафисты, все службы, все, все заменял он Иисусовой молитвой. «И начинаю понимать, чуть-чуть разбирать начальные буквы этого алфавита».

Вот какая глубина. А какое действие Иисусова молитва имеет, о том мы и понятия не имеем. Так вам нечего удивляться. Это приобретается годами и не сразу. В один день этого невозможно приобрести, хотя и бывают исключения, но общее правило таково.

10 февраля

Приближается пост... За всюнощной слышатся уже предвозвестники поста, покаянные стихи с их умиленным напевом: «Покаяния отверзи ми дверь, Жизнодавче...», «На реках Вавилонских» и др. Сегодня неделя о Блудном сыне. Какая глубокая притча. Какой смысл.

Сегодня Батюшка очень ласково принял меня. На его вопрос, как мне, я ответил:

– Слава Богу, хорошо, спокойствие духа.

– Да, и я два года наслаждался миром душевным... а потом, а потом. Какие ужасы были у меня, я вам не буду рассказывать. Прежде всего помыслы напали, но я, видя зарю, старался скорее пробежать эту темную улицу. Когда не стало Батюшки о. Анатолия, лишился я опоры...

По всему видно, что Батюшка много претерпел. Батюшка не один раз мне говорил:

– Первым вашим делом, как только просыпаетесь, пусть будет крестное знамение, а первыми словами – слова молитвы Иисусовой.

Мне дано теперь очень спешное послушание: переписка писем о. Амвросия для издания их вновь с дополнениями и поправками.

11 февраля

Сейчас на благословении удалось побеседовать минут пять.

– А что, Батюшка, всегда ли нужно перебирать с молитвой четки?

– Обязательно. Всегда имейте четки при себе, за службой в церкви и на правиле они должны быть в руках. Если даже будут смотреть или смотрят, не смущайтесь, перебирайте, творя молитву Иисусову. За обедней внимайте тому, что поется и читается, а молитву оставьте. Вот за всенощной можете в ход пустить четки, когда не слышите, что читают.

За послушанием, конечно, невозможно перебирать. Когда в келии пишете, читаете, то четки должны быть за поясом. Когда же так сидите, то творите молитву по четкам. При разговоре можете говорить про себя: «Господи, помилуй», а можно даже и молитву Иисусову...

Вообще, я понял так, что когда только можно, нужно всегда творить молитву Иисусову по четкам, а если нельзя – тогда молитва должна быть всегда в уме без четок.

12 февраля

Сегодня Батюшка благословил нас обоим читать Псалтирь о здравии и о упокоении в скитской церкви. Я могу записать 12 имен для поминовения по праву, принадлежащему всем послушникам.

Сейчас Батюшка рассказал мне, что у него была дочь генерала Черняева, известного по Турецкой войне.

– Очень образованная девица, еще молодая. Я с ней с удовольствием побеседовал. С такими беседовать я люблю, это – чистосердечная, искренно ищущая Бога душа. Потом она писала, что того, что она испытала здесь в Оптиной, она никогда не испытывала. Не ожидала, не предполагала даже, что можно подобное испытать. Это ей непонятно, а, конечно, благодать Божия действовала.

Сегодня она мне прислала икону Казанской Божией Матери. Ну вот смотрите: почему именно Казанскую икону, а не другую? Я ведь сам казанский. Заметьте, сегодня 12 февраля. Почему она прислала именно в этот день?

Прежде я получил тоже 12 февраля икону на благословение из лавры преп. Сергия. Совпадение...

18 февраля

Вчера писать не мог. После чтения Псалтири я пошел на благословение. Батюшка сам начал говорить и спрашивать меня. Я говорю:

– ...Конечно, приходят мысли...

– Без этого нельзя, ум не может быть без мыслей, как человек не может не дышать. Это его потребность. Но о чем думать? Иной представляет себе блудные картины, услаждается этой живописью. А вы пришли сюда искать Бога, и все ищут Бога. Найти Бога – это цель монашеской жизни.

Потом Батюшка сказал, что можно жить в монастыре, да не быть монахом.

– Все ищут Бога. Вот и художники в области поэзии, живописи, особенно музыки – все желают найти Бога. Да не так ищут. Как искать Бога? Соблюдать заповеди, особенно смирение, поступить в монастырь. А они не хотят соблюдать заповеди, особенно не хотят смиряться, хотят пройти как-либо переулками, поближе, покороче. О целомудрии они весьма скудного понятия. Вот, например, Байрон или Рафаэль – развратнее его трудно было бы найти, а писал Мадонну. Или знаете стихотворение Пушкина «Пророк»? Там он говорит: «В пустыне мрачной я влачился...» «Влачился», да прямо-таки ползал всем телом. Далее: «И шестикрылый серафим на перепутье мне явился». Здесь он, может быть, имел в виду себя? Сомневаюсь, явился ли он ему? Затем Пушкин рисует картину посвящения ветхозаветного пророка. Кажется, говорится, что он постиг и «херувимов горнее стремленье, и гад морских подводный ход». Ангелы

чисты, они только «горняя мудрствуют». А у нас есть и «гад морских подводный ход». Эти два течения идут в нас параллельно. Но должно стараться только «горняя мудрствовать». Это не сразу достигается: ход гад морских будет все тише и, наконец, будет только одно горнее стремление, а те гады нырнут в бездну и исчезнут. Да, этого можно достигнуть. Вот я вам и говорю: «Смиряться и смиряйтесь. Помогите вам. Господи».

Очень утешает он меня, недостойного его любви. Я очень лениво исполняю его наставления, вообще живу нерадиво. Вчера почти весь день спал после чая до самой вечерни, ничего не прочел. Батюшка все покрывает своею любовью, какие гадости ему про себя не расскажешь. Сколько раз Батюшка говорил, что надо встать до службы, даже до звона, говоря:

– Колокольный звон изображает глас Архангела. «Блажен, егоже обрящет бдяща». Надо встать заранее, подготовиться, умыться. Главным образом, надо содержать руки в чистоте. Как вы, например, за обедней возьмете грязными руками антидор? Затем, подготовившись, ожидать звона или будильщика и тотчас же идти. А к обедне идите до звона, как только прочтете утренние молитвы.

Я же, окаянный, очень ленюсь вставать, и вообще лениво исполняю наставления Батюшки.

Скоро Великий пост и св. Четырдесятница, надо исправляться по молитвам Батюшки и с Божией помощью. Бог даст, напишу правила жизни и обыденного поведения для памяти по наставлениям Батюшки и святых отцов.

23 февраля

Завтра ровно год, как мы приехали в Оптину в первый раз. Завтра Прощеное воскресенье, а там и Великий пост. Все это время некогда писать, думаю записать только одну беседу с Батюшкой, бывшую совершенно неожиданно для меня 21-го числа. Я кончил читать Псалтирь в 9 ч. 30 м. вечера и прямо пошел к Батюшке, думая получить хоть одно благословение на сон. Батюшка принял меня, у него только что был брат..., с ним тоже была беседа. Отпустив келейника спать, Батюшка сел на диван и начал говорить:

– Чем более монах живет в монастыре, тем большему научается. Это происходит постепенно. Конечно, Бог может сразу обогатить нищего. Бывали случаи, что сразу просвещался ум свыше... Одно дело ум, другое – рассуждение. Рассуждение есть дар Божий, как и все вообще у нас дар Божий. Но рассуждение выше других даров и приобретается не сразу. Человек может быть очень умным, но совершенно нерассудительным, может удовлетворять самым низменным потребностям, иметь любовниц и даже совершенно не признавать Бога. Есть люди плотские, которые только и живут для чрева, для блуда. Есть люди душевные, эти повыше плотских. И наконец, есть люди духовные.

Разница между душевными людьми и духовными громадная. Ибо, как говорит апостол: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что почитает это безумием». Он может познать всякую человеческую мудрость, всякую философию, но духовного рассуждения не имеет. Здесь и напомнил Батюшка слова апостола: «Слово крестное погибающим убо юродство есть, а нам спасаемым сила Божия есть».

Да, для них юродство, а для нас, спасаемых, сила Божия. И заметьте, сказано, «спасаемым», а не «спасенным», и «погибающим», а не «погибшим». Иной и не заметит этой разницы сразу, а потом вдруг заметит через некоторое время. Все мы спасаемся, но неизвестно еще, спасемся ли. Также сказано «погибающим», ибо они могут обратиться, хотя и стоят на наклонной плоскости, скользя вниз.

Было уже около 11 часов. Батюшка устал.

– Каждый день совершается чудо милосердия Божия на мне грешном: почти 70-летний старец, но, слава Богу, хватает сил на день. Когда я заболел, я думал, что уже более не встану, но встал, отмолили меня. Обо мне во многих местах молились, особенно по женским монастырям.

Потом Батюшка начал говорить о старчестве.

– Догорает теперь старчество. Везде уже нет старчества, у нас в Оптиной догорают огарочки. Враг ни на что так не восстает, как на старческое окормление: им разрушаются все его силы. Везде он старался его погасить и погасил. Есть монахи, исправно живущие, но об откровении помыслов, о старчестве они ничего не знают. Поэтому без старчества во многих монастырях осталась одна только форма монашеского жития, одна внешность. Иисусову молитву теперь редко кто творит, а что за монашество без Иисусовой молитвы?

При Екатерине II враг воздвиг гонение на старчество. Екатерина II прямо закрывала монастыри; старцы и ученики бежали, кто на Афон, кто в западные православные государства. Один из них, Паисий Величковский, бежал на Афон... Ученики его опять насадили старчество у нас и в других обителях после того, как позволено было им снова возвратиться в Россию. И старчество процветало... А теперь везде угасло, забыто. Враг начинает с невинных вещей, увлекает в грехи... Поэтому-то враг и ненавидит старчество, ненавидит место откровения помыслов, самый голос, которым это говорится.

– Да, Батюшка, – говорю я, – как только хочу записать то, что Вам собирался сказать, так мне уже становится легче, я это замечал.

– Да, вы только пишете, а он уже бежит.

Сейчас всенощная. Все, что вспомню, Бог даст, напишу потом, а сейчас полежу минут 15, устал, спал сегодня 4 часа. Всенощная эта будет первая во втором году со дня приезда в Оптину в первый раз. Прошлый год мы в это время выезжали из Москвы, и я прощался с нею навсегда, но Бог судил иначе. А теперь мы в Оптиной, в скиту. Слава Богу.

25 февраля

Ныне первый день Великого поста. Хорошо здесь встречают и проводят это святое время. Великое утешение и великопостная служба. Поют далеко не артистично, но в общем все как-то хорошо.

Для поддержания сил – скудная холодная пища, однако вполне достаточная для поддержания бодрости. Вместо чая пьем кипяток или завариваем мятку с медом один раз в день. Вообще, при собственном на то желании можно жить здесь очень хорошо. Побольше надо следить за собой, а не за другими. И когда будешь замечать чужие немощи и гордиться перед другими (мысленно) надо отвечать помыслу бесовскому: «Я хуже всех», – так говорил мне Батюшка, и так надо хотя бы непрочувствованно сказать.

Еще Батюшка мне говорил, что враг всегда нападает с одной стороны, напирая на какую-либо одну страсть. Например, вовлекая в чревоугодие, он не будет в то же время смущать сребролюбием, ибо этим может разрушить свою работу. Пожалуй, станет скупиться человек и для угождения чреву. Или, завлекая в сети сребролюбия, он не станет напирать на блуд, ибо опять может разрушить свою работу.

Я замечал на себе, что с тех пор, как я сказал Батюшке про свои помыслы о военщине и о пострижении в мантию, они меня пока не беспокоят; и я помню, Батюшка сказал мне, что они меня оставят, даст Бог. И действительно, оставили. Другие всякие приходят в голову, а этих нет по молитвам Батюшки.

Я замечаю, что, пожалуй, мне этот год легче стоять службу и вставать, чем прошлый год, хотя и прошлый год мне было хорошо. Слава Богу.

Март

2 марта

Вот уже прошла первая неделя св. Великого поста, и с Божией помощью я, слава Богу, легко и даже с утешением духовным провел ее. Чем меньше кушаешь, тем меньше хочется, теперь я это испытал на деле. И я заметил: чем я больше обыкновенного слушал службу, тем более она мне нравилась. Теперь я начинаю понимать смысл поста: и телу, и душе становится как-то хорошо. Вообще, замечаю, что мне здесь начинает больше и больше нравится.

Как понравилась мне вчера всенощная, особенно ее первая часть – вечерня, как хорошо слушал я стихиры на «Господи воззвах...». Как приятно было мне стоять за шестопсалмием в этом мирном полумраке.

Сейчас я читал псалтирь и по окончании, идя сюда в келию, как хорошо чувствовал я себя. После молитвы на душе мирно, тихо, как и все кругом: и эта чудная ночь, луна, чистое небо и яркие звезды, тишина, снег блестит, вокруг вековые ели... Хорошо. Слава Богу, что Он, Милосердый, вселил меня, грешного, сюда, под покров Божией Матери и пророка Своего Крестителя Иоанна. Здесь мне всюду хорошо, а в келье своей, когда я один, мне кажется лучше всего.

Из келии я никуда не выхожу без дела, разве только в церковь, на правило, на послушание, на трапезу, – более никуда. Если случатся какие дела, то иду, а если возможно, откладываю иногда, в монастырь же не очень люблю ходить: там шумно, людно. За ограду скита выхожу обыкновенно только за водой на Амвросиев колодец.

Вообще, утешает меня Господь, и мне не в тягость моя теперешняя жизнь скитского послушника. Я ничего лучшего не желаю: ни еды, ни службы, – посему я узнаю, что мне здесь очень хорошо.

5 марта

Вчера вечером, в 8 часов, я окончил читать Псалтирь и пошел к Батюшке на благословение после всех, и неожиданно для меня опять удалось мне побеседовать с Батюшкой. Когда я вошел, Батюшка сказал мне сесть на стул под часами и побезмолствовать, а сам ушел. Через некоторое время, довольно скоро, Батюшка пришел и начал занавешивать окна. Из окна, прямо из-за деревьев, светила луна. Уже 3–4 ночи подряд были такие же красивые, как я описывал прежде. Батюшка указал мне на это:

– Видите, какая красота.

– Да, Батюшка. Я когда иду к себе в келью после Псалтири, мне все это нравится: и луна, и снег, – а когда я приду к себе в келью, мне там еще лучше.

– Конечно, в келии лучше.

Потом Батюшка начал рассказывать про одного нашего монастырского монаха о. Феодула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.